

— Очень сожалею, — сказал он и виновато улыбнулся, а я торопливо поднялась и шагнула к двери. — Полина Владимировна, — окликнул он, я повернулась, и мой шеф, пряча глаза, со вздохом добавил: — Я действительно очень сожалею.

Я пожала плечами и вышла, стараясь выглядеть довольной жизнью, дошла до своего кабинета, захлопнула дверь и грязно выругалась. Я только что лишилась работы.

Шеф вызвал меня десять минут назад и, чувствуя себя, как уж на сковородке, заявил, что фирма испытывает трудности и сокращение штата неизбежно, а так как я пришла к ним недавно... ну, и прочее в том же духе. Говорить все это ему было неловко, и он, скорее всего, действительно сожалел, только мне от его сожалений радость небольшая.

— Вот дерьмо, — пробормотала я, достала из шкафа коробку и принялась складывать в нее свои вещи.

Дела в фирме шли прекрасно, и никаких сокращений не предвиделось. Меня выставили просто потому, что я в этом городе в черном списке. Возможно, никакого списка вовсе и нет или он состоит из одной моей фамилии, но то, что работы в родном городе я не получу, совершенно очевидно. А я-то надеялась, что после пятилетнего отсутствия смогу жить спокойно. И вот такое многообещающее начало...

Коробка заполнилась наполовину, когда дверь при-

открылась и в кабинет заглянула Ольга Шевцова. За три недели, что я здесь работала, мы успели подружиться, и выражение тихой печали пополам с недоумением на ее лице меня ничуть не удивило.

— Ты куда собираешься? — почему-то шепотом спросила она.

— Меня уволили, — ответила я, продолжая сборы.

— За что?

— По сокращению штатов. Фирма испытывает трудности... И все такое...

— Он так сказал? — нахмурилась Ольга.

— Ага.

— Он спятил. Какие трудности? Что за бред?

— Если очень интересно, спроси у него.

Ольга присела на краешек стула и, все еще хмурясь, заявила:

— Ты хороший специалист.

— Надеюсь.

— И у нас нет трудностей.

— Наверное.

— Но тебя уволили. Он что, приставал к тебе?

— Нет.

— Нет? Тогда с какой стати...

— Слушай, — разворачиваясь к ней, сказала я, — меня уволили. Официальную версию ты знаешь, а обо всем остальном мне ничего не известно. — Я, конечно, лукавила, ибо истинную причину увольнения знала наверняка, а не просто догадывалась. Но посвящать в свои дела Ольгу я не желала, не потому, что очень скрытная по натуре, а по той простой причине, что помочь Ольга мне не сможет, чего ж тогда понапрасну загружать человека своими проблемами. Сборы я закончила, накинула куртку и, подхватив коробку, шагнула к двери.

— Что, вот так сразу и уйдешь? — спросила Ольга.

— Если меня уволили, я не обязана сидеть здесь целый день. Пока.

— Я к тебе после работы зайду. Ладно?

— Заходи. — Держа коробку под мышкой, я вышла в коридор и, на прощание кивнув Ольге, направилась к выходу.

Оказавшись на улице, я преодолела несколько десятков метров до парка и хлопнулась на ближайшую скамью. Тяжко вздохнула и потянулась за сигаретами. Очень хотелось зареветь, говорят, слезы приносят облегчение, только выглядеть это будет довольно нелепо: сидит девица в парке в обнимку с коробкой и рыдает.

— Ну и черт с ним, — пробормотала я, но относилось это не к моему внешнему виду, а к открывающимся передо мной перспективам.

В другой ситуации я бы особо переживать не стала, потому что специалист я действительно хороший и работу непременно бы нашла, только что толку, если недели через три-четыре после этого все, что произошло сейчас, повторится? Очередной шеф вызовет меня и заявит, что ему очень жаль. Я опять вздохнула, бросила сигарету и, подхватив коробку, побрела домой.

Неужели вновь придется уезжать из родного города? Скорее всего так оно и будет...

Несчастья мои начались семь лет тому назад. В то время я была юной девушкой с нездоровой склонностью к романтизму, этакой Красной Шапочкой. Склонность эта сыграла со мной злую шутку. В дождливый сентябрьский вечер я отправилась на прогулку со своей собакой по кличке Молчун, толкнула железную дверь подъезда и в то же мгновение услышала автоматную очередь. Само собой, тогда я еще не знала, что это такое, и, честно скажу, слегка обалдела, наблюдая, как в дверном проеме передо мной, точно на экране, разыгрывалась классическая сцена из боеви-

ка: в трех метрах от двери «Мерседес», изрешеченный пулями, влетел в дерево, а по соседству — мотоцикл и двое парней на нем. У того, что сидел сзади, как раз и был в руках автомат. Надо сказать, что рядом с нашим домом находился ночной клуб и во дворе устроили стоянку для автомашин, после чего назвать двор спокойным никому бы в голову не пришло. Но *это* было все-таки слишком.

Разумный человек поспешил бы скрыться в подъезде или завизжал бы, на худой конец, от ужаса и неожиданности, а я... я рывкнула: «Молчун, вперед!», и собака, появившись из темноты, прыгнула на автоматчика и вышибла его из седла.

Водитель рванул с места, но, как видно, не хотел бросать товарища и, достигнув угла дома, начал разворачиваться. Можно с уверенностью сказать, что в тот момент я действовала абсолютно бессознательно, потому что даже страха не чувствовала. Я просто надеялась, что выстрелы услышали и сию минуту, точно по волшебству, появится милиция и все это моментально прекратится. Милиция не появлялась, зато дверь «Мерседеса» распахнулась, и я увидела мужчину, он сделал шаг, упал, с трудом приподнялся, а я бросилась к нему. Пока Молчун сидел верхом на стрелке, водитель мотоцикла стремительно приближался, а я оказалась рядом с раненым и попыталась помочь ему добраться до подъезда. Однако роль санинструктора оказалась мне не по силам: парень был слишком тяжелым, и дотащить его до подъезда прежде, чем мотоциклист окажется в опасной близости, я не могла и опять же в беспомощности подхватила автомат, который валялся у моих ног, и, не раздумывая, пальнула. От грохота заложило уши, а я едва удержала автомат в руках. Но толк от всего этого был — парень на мотоцикле поспешил удалиться, а я, с автоматом в одной руке, второй поддерживая раненого, ринулась к подъезду. Лишь только мы достигли убежища, я

крикнула: «Молчун, ко мне!», собака влетела в подъезд, и я захлопнула железную дверь.

И тут силы меня оставили. Раненый сполз по стене, и я вместе с ним. Вцепившись Молчуну в ошейник, я отчаянно завопила: «Помогите!», а Молчун завыл. Когда из квартир высыпали соседи, их ожидало дикое зрелище: окровавленный парень без сознания, я в столбняке, в грязи и чужой кровище и мой верный пес с пеной у пасти. Вызвали милицию, «Скорую»... Меня увезли вместе с раненым, впопыхах не разобрав, что я жива-здорова, сама я пребывала в шоке и внятно объяснить, что произошло, не могла. Молчуна моя мама, прибежавшая на крики, заперла в квартире, а сама поехала с нами. Позднее выяснилось, что у «Скорой» в тот вечер был еще один пациент, тот самый стрелок, изрядно помятый Молчуном. Вот в такой компании я и оказалась в больнице.

Милицейские чины пребывали в недоумении, потому что ничего объяснить я так и не смогла, меня отправили в палату, не обнаружив, к радости моей мамы, никаких увечий. Но тем не менее состояние мое, несмотря на это обстоятельство, было хуже некуда. Я тарасила глаза и не могла произнести ни слова. Однако к утру пришла в себя, и в палате появился молодой мужчина в штатском, представился и начал задавать вопросы. Когда все понемногу прояснилось, он выглядел не лучше, чем я накануне, — так его потрясло мое поведение. В милиции-то поначалу решили, что дело выглядело так: я пошла гулять с собакой и, услышав выстрелы, из подъезда не выходила, а вот Молчун выскочить успел, раненый же добрался до подъезда сам, прихватив автомат. Мне бы следовало придерживаться этой версии, но я оказалась не только глупой, но и правдивой, и рассказала, как все оно было, вызвав у молодого человека подозрение в моей нормальности.

К обеду я пришла в себя настолько, что было реше-

но: надобность в моем пребывании в больнице отсутствует. И тут моя мама, которая, несмотря на возраст, тоже тяготела к романтизму, заявила, что я просто обязана навестить спасенного мною мужчину, тем более что он находится в реанимации по соседству. И я пошла. В общем-то, в реанимации посещения запрещены, но для меня сделали исключение.

Я вошла и увидела на постели парня лет двадцати семи с бескровным лицом, тонкими губами и тяжелым подбородком. Не испытывая никаких чувств, я приблизилась, постояла немного и, решив, что выполнила свой долг, собралась уходить. Он вдруг открыл глаза, посмотрел на меня, губы его дрогнули, он вроде бы улыбнулся и с трудом протянул мне руку. Я ее пожала, а он прошептал:

— Привет.

После чего отключился.

Я поторопилась покинуть палату. В нескольких метрах от нее в похожей палате лежал вчерашний стрелок, возле двери дежурил мужчина в форме. Он сидел на стуле, листая журнал, а увидев меня, весело заметил:

— Ну ты даешь...

— Ага, — кивнула я и побрела к выходу, где меня ждала мама.

Сутки я спала и еще двое мало реагировала на окружающую действительность, а потом начала проявлять к ней интерес. Первым делом выяснилось, что стрелок скончался. Это здорово напугало и меня, и маму, маму даже больше, коли в больнице парень оказался благодаря нашему Молчуну. Но претензий нам никто не предъявил, более того, милиция встреч с нами не искала, а сосед Пашка Демьяненко, которому до всего было дело, трагическим шепотом поведал мне, что киллера «кокнули», и собачка здесь вовсе ни при чем.

— Кто его кокнул? — возмутилась я.

— Кто послал, тот и кокнул. Соображать надо.

— Его же охраняли, — не унималась я, припомнив дядьку с журналом.

— Не смейся, — хмыкнул он презрительно. — Охраняли... вот и доохранялись. Короче, парень скончался, и теперь концов не найдешь.

— Каких концов? — перепугалась я.

— Ну, это так говорится...

Его слова мне ужас как не понравились, и я хотела побыстрее забыть о происшедшем, однако, когда мама сказала: «Надо бы тебе его навестить», я покорно побрела в больницу, хоть и не сразу поняла, о ком идет речь, и даже спросила:

— Кого?

— Как кого? Этого молодого человека. В конце концов, ты ему жизнь спасла и просто обязана...

Это было не очень понятно: раз я спасла ему жизнь, а не он мне, чем же я тогда обязана? Но с мамой я никогда не спорила, у нее своя логика.

Парня после двух операций успели перевести из реанимации в палату, возле которой расхаживали два неприятных молодых человека, которые, однако, без вопросов пропустили меня к больному. «Видно, Пашка не совсем дурак, — подумала я, — одного милиционеры прошляпили, теперь и этого сторожат».

Я постучала в дверь, вошла и увидела еще одного молодца, который сидел на стуле, но, заметив меня, поднялся и, кивнув, покинул палату. Я перевела взгляд на спасенного. Выглядел он неважно, но смотрел весело. Улыбнулся и, как в первый раз, сказал:

— Привет.

Протянул руку, и я ее пожала, ответив:

— Привет. — И вдруг подумала, что не знаю, как его зовут. То есть мне говорили, конечно, да я не запомнила. Вроде бы бизнесмен и богатый человек, хотя у Пашки была своя версия, не насчет богатства, а насчет бизнеса, но и он об этом говорил весьма ту-

манно, так что я сразу заподозрила: ничего он толком не знает, а просто выдумывает.

Между тем парень смотрел на меня и улыбался, а я чувствовала себя крайне неловко. Ну вот я пришла, и что дальше? Сказать мне ему нечего, да и вообще... Я определила цветы, которые принесла, в вазочку, а кисть винограда на тарелку и собралась прощаться, но уйти сразу было как-то неловко, и я спросила:

— Как ваше здоровье?

— Нормально. Скоро выберусь отсюда.

— Замечательно, — промямлила я, — очень рада.

Он улыбнулся шире и вновь взял меня за руку, минуты две тарачился на меня, вгоняя в тоску, а потом заявил:

— Спасибо тебе.

— За что? — не придумала я ничего лучшего.

— Как за что? — засмеялся он. — Ты мне жизнь спасла. Долг платежом красен.

— Ничего вы мне не должны, — ответила я испуганно. — Я вообще не хотела... то есть все нечаянно получилось...

— Ты сядь, — кивнул он на стул рядом. — Расскажи о себе.

— Да мне уже пора, — заволновалась я. — Я только на минутку, узнать, как у вас дела. Я пойду, ладно?

— Тебя Полиной зовут? — спросил он, все еще держа мою руку.

— Да.

— А меня Николай.

— Очень приятно.

— Мне тоже, — засмеялся он.

— Я пойду, мне в институт.

— Где учишься?

— В экономическом. Вы извините, мне правда пора идти. До свидания, — неловко высвободив свою ладонь, я попятилась к двери.

— До свидания, — сказал он и добавил: — А ты отчаянная.

— Это не я, это Молчун. Собака. Это он вас спас.

— Привет ему.

— Обязательно. Выздоровливайте.

— Скоро встретимся, — заверил он.

Я выскользнула в коридор, испытывая странные чувства. В основном они сводились к злости на маму. Ну с какой стати она решила, что я должна его навещать? По-моему, выглядело это по-дурацки... К досаде на себя примешивалось беспокойство: парень мне не нравился. Было в нем нечто настораживающее, что ли... И я дала себе слово, что ноги моей больше здесь не будет, что бы там мама ни говорила.

Время шло, и я понемногу начала забывать о случившемся, то есть я, конечно, все прекрасно помнила, но теперь думала о происшедшем без дрожи душевной, как-то отстраненно, будто и не со мной все это произошло. Так продолжалось около месяца, пока однажды, подходя к своему дому, я не заметила возле подъезда новенький «Мерседес». Дверь его открылась, и очам моим предстал спасенный Николай с сияющей улыбкой на устах. На недавнее нездоровье в его облике ничто не намекало, бледность сменил румянец, но физиономия от этого приятнее мне не показалась, а беспокойство лишь усилилось, потому что стало ясно: здесь он появился неспроста.

— Привет, — по привычке сказал он, шагнув навстречу, и протянул руку, я протянула свою, но он не пожал ее, а поцеловал, я же покраснела, злясь на себя за это, но тут уж ничего не поделаешь: ранее к моей руке никто не прикладывался, было это мне в диковинку и оттого смутило.

— Здравствуйте, — ответила я, пряча руку в карман пальто.

— Рад тебя видеть.

Я рада не была и поэтому ничего не ответила. Па-

рень смотрел и проникновенно улыбался. Стоять столбом посреди двора было нелепо, и я спросила:

— Как вы себя чувствуете?

— Отлично. Вот приехал в гости. В квартиру пригласишь?

— Пойдемте, — пожалала я плечами.

Мама должна прийти только в пять, и гость мне был ни к чему, но отказать ему я сочла невежливым. Мы поднялись на третий этаж, я открыла дверь и вошла первой. Молчун бросился мне навстречу, увидев гостя, он замер, настороженно поглядывая на него.

— Спокойно, — сказала я и потрепала пса по загривку.

— Шикарный зверюга, — заметил Николай, опускаясь на корточки. — Так это ты проявил чудеса героизма?

— Он. Идемте на кухню, я вас чаем напою.

Мы прошли на кухню, я поставила чайник на плиту и собрала на стол, не сказав при этом ни слова. Молчание гостя меня отнюдь не тяготило, он чувствовал себя вполне комфортно, смотрел на меня, продолжая улыбаться.

— Расскажи о себе, — попросил он, когда мы выпили по чашке чая.

— Что рассказывать? — пожалала я плечами. — Учусь, живу с мамой и братом. Брат старше меня, пришел из армии, сейчас работу ищет...

— Работу мы ему найдем без проблем. — Николай достал из кармана визитку, положил на стол. — Пусть позвонит вечером, договоримся.

— Спасибо, — вяло поблагодарила я. — А у вас как дела?

— Прекрасно. Знаешь что, давай отметим мое выздоровление, закатимся в ресторан...

— У меня времени нет, я по вечерам работаю.

— Как работаешь? — удивился он. — Ты же учишься.

— Учусь. А по вечерам работаю. Мне к шести. Сейчас обед сготовлю и побегу.

— Ясно, — не очень-то обрадовался он. — А где трудишься?

— В одной фирме...

— Бухгалтером, что ли?

— Нет. Я там убираюсь. — Видя по его лицу, что он, похоже, не понимает, о чем речь, я пояснила: — Полы мою. Восемь кабинетов, на все уходит часа два, но добираться далековато, возвращаюсь поздно, а надо еще к занятиям готовиться.

— А в выходной?

— В выходные мы обычно у бабушки. Она плохо себя чувствует, а к нам переезжать не хочет.

— Красиво живешь, — немного подумав, заявил он.

— Нормально живу, — обиделась я.

— А парень у тебя есть?

— Нет, — ответила я неохотно, так как считала, что это не его дело.

— Конечно, откуда ж ему взяться, если ты то дома сидишь, то полы моешь. Сколько тебе в этой фирме платят?

— Тысячу, плюс стипендия... в общем, неплохо получается.

— Неплохо? — вроде бы не поверил он. — Это за год двенадцать тысяч? — Он извлек из кармана бумажник, отсчитал двадцать банкнот по сто долларов и придвинул их ко мне. — Держи. Здесь твой заработок за пять лет. Бросай свою фирму и учись спокойно.

Это меня здорово разозлило, и то, как небрежно он отсчитывал доллары, и то, что всерьез решил, что я могу их взять.

— Вы мне ничем не обязаны. Я не хотела вас спасать, у меня нечаянно получилось. Если честно, мне бы поскорее забыть обо всем этом, так что встречаться нам ни к чему, и вообще...

— Я тебя обидел? — нахмурился он.